

Коллекция современной прозы

Машинственная
карьерта

Михаил Маскаев

Михаил Иванович Маскаев

Таинственная карета

Серия «Коллекция современной прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63111078

Таинственная карета: Интернациональный Союз писателей; Москва;

2020

ISBN 978-5-907350-67-0

Аннотация

«Таинственная карета» – это жизнь, полная загадочных событий. В одноимённом рассказе безумная любовь сталкивается с завораживающим ночным действием. В эссе «Бессонная ночь, или Два лица Джакомо Казановы» известный на весь мир удачливый обольститель женщин открывает неизвестные ранее секреты своего успеха. Рассказ «Знакомая незнакомка» ставит вопрос, действительно ли некоторые люди были супругами в прошлой жизни. В повествовании «Путник» юноша знакомится с мудрецом, переросшим мудрость. Герой повести «Карабас-барабас», рискуя жизнью, узнаёт секрет, почему братки из криминальной среды не боятся смерти.

Содержание

Русские арабески Михаила Маскаева	4
Бессонная ночь, или Два лица Джакомо Казановы	9
Таинственная карета	26
1	26
2	39
3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Маскаев Михаил Иванович

Таинственная карета

(проза и афоризмы)

Русские арабески

Михаила Маскаева

Книга Михаила Маскаева похожа на альбом, составленный из ярких и выразительных, притягивающих глаз картин-арабесок. Он пишет сочными красками, его мазок точен, его взгляд художника крайне внимателен. Его эпитеты и метафоры просты, но невероятно образны: «Она была разведена и жила одна в чистой и опрятной двухкомнатной квартире с окнами с солнечной стороны и прохладными шторами до пола».

Маскаев приглашает... да нет же! – он затягивает читателя в волшебный экзотический мир, в котором не только на многих людях маски, но у некоторых даже две отдельно существующих половины лица – грустная и веселая.

Некоторые новеллы Маскаева невольно заставляют вспомнить лучшие образцы европейской сказочной и фантастической классики. В этих произведениях спрятано мно-

жество заметных только искушенному читателю отсылок к самым разным культурным феноменам. Приходят на ум миры Карло Гоцци, Вильгельма Гауфа, Эрнеста Теодора Амадея Гофмана... Однако это отнюдь не стилизации. Нет-нет. Это современная русская литература. Но необычайно яркая и образная. Словно упругие побеги европейской авторской сказки были привиты на мощный ствол русской литературы, прижились, слились с ним и уже успели дать свои плоды.

Михаил Маскаев смело смешивает краски литературной палитры, и у него выходит картина, не похожая ни на что, и одновременно заставляющая вспомнить о многом. Проза в его новеллах перетекает в поэзию и при этом наполнена таким глубоким философским содержанием, что даст фору многим эссе и трактатам. «У меня было много друзей, и я огорчился расставанием с ними, убеждая себя, что всё имеет начало и конец; это касается и самой искренней дружбы.

Дружба рождается, созреет,
В срок отдалится от дел.
Всё в этой жизни имеет
Свой отведённый предел.

Днища судёнышек стонут
И отдаются волнам.
Дружбы стареют и тонут
Прежде, чем хочется нам».

Чего уж говорить об эссе – в них каждая строчка наполнена оригинальным и неожиданным смыслом...

Кстати, о строчках маскаевских произведений хочется сказать отдельно. Маскаев – яркий афорист, и это наглядно демонстрирует финальный раздел книги (однако не будем забегать вперёд), но и каждая строчка его новелл и эссе – это тоже готовая максима, просто бери и выписывай в блокнот или помещай в рамочку и вешай на стену.

И еще отдельно хочется сказать обо всей композиции сборника. Она также точна до мелочей. Настроение перетекает от одного произведения к другому. Каждый последующий текст дополняет предыдущий.

Открывает книгу самая барочная, самая карнавальная новелла «Бессонная ночь, или Два лица Джакомо Казановы», названная автором «эссе». Однако дай бог каждому рассказчику такой художественной образности, какая есть в этом тексте. Состарившийся Казанова, ставший зрителем библиотеки (что неявно, но подсознательно отсылает читателя к Хорхе Луису Борхесу), вспоминает свою жизнь, анализирует книги-подделки, написанные от его имени, осмысливает свою жизненную позицию. «В юности я часто смотрел в зеркало, огорчаясь тем, что одна половина моего лица хранит весёлое выражение, а другая – грустное. Оно стало таким после того, как я застал мою первую любовь Бетти в постели с моим другом». Казанова размышляет о сущности любви (и вообще отношений) между мужчинами и женщинами.

«Женская красота коварна... женщина выбирает лучшего из мужчин, чтобы доказать, что он – худший...»

Продолжает заданную тему самая сказочная новелла – давшая название всему сборнику «Таинственная карета». Это текст невероятной красоты. Здесь противопоставляются не только мужское и женское, но еще и Англия и Россия, слово и молчание, джентльменство и интеллигентность, красота и порядочность, культ и культура... «Невозможно одной только силой превратить человека в раба. Колонизаторам было мало подавить сопротивление аборигенов оружием, им надо было покорить их красотой одеяний и изысканностью манер». Противопоставляются, сталкиваются и сплетаются воедино...

Далее развивается тема в новелле «Знакомая незнакомка», которая также определена как эссе. Это довольно передовое по форме произведение, как его ни назови. Оно состоит из коротких главок, каждая из которых начинается с некой философско-этической максимы. Вот, к примеру, самая первая: «Все знают, что такое любовь с первого взгляда, пока не испытают её на себе». Далее следует кусок художественного текста, часть истории одной любви, подтверждающая предложенное высказывание...

Следующая новелла – «Путник». Она имеет подзаголовок «История одной рукописи», и в ней реализован приём «текст в тексте». Приём известный, использованный и Михаилом Лермонтовым, и Михаилом Булгаковым, и Пауло Коэльо, и

братьями Стругацкими, однако приём сложный – ведь надо два разных текста привести к гармонии и равновесию...

И так далее... Еще четыре текста, один загадочней другого. Название «Таинственная карета» подходит этой книге как ни одно другое.

Завершает сборник россыпь чрезвычайно остроумных афоризмов и мудрых «мишуток» (мини-шуток). О них не хочется говорить – их хочется цитировать. «У букашки маленькая голова и плохая память: если её на ходу повернуть в другую сторону, она сочтёт, что именно это ей и нужно». «Женщины любят, когда их соблазняют, и не любят, когда соблазнят». «Инопланетяне не посещают россиян, боясь оказаться не в своей тарелке»...

Ну и в заключение хочется особо отметить то, что внимательный читатель, по всей видимости, уже понял и сам. Книга Михаила Маскаева – это ещё и учебник по психологии, по психологии отношений мужчин и женщин. И он затмевает всякие высокоумные исследования типа «Женщины с Венеры, мужчины с Марса». По одной простой причине – книга Маскаева остроумна, а это очень важное качество.

Андрей Щербак-Жуков,
поэт, прозаик, критик

Бессонная ночь, или Два лица Джакомо Казановы (эссе)

*Я жил как философ и умру как христианин.
Джакомо Казанова*

1 июня 1787 года в Богемии весь день лил дождь. Несмотря на полночь, в одном из окон замка графа Йозефа фон Вальдштейна горел свет. Высокий мужчина в богатом венецианском халате вышел из ванной и подошёл к зеркалу.

«Джакомо, Джакомо, – посетовал он, – каково душе, когда ветшает дом её плоти?»

Жизнь дожидается нашего успеха, чтобы изменить правила игры. Думал ли я, собеседник Руссо, европейских монархов и кардиналов, что в возрасте семидесяти трёх лет стану смотрителем графской библиотеки, чтобы заработать на жизнь?

Да, но если бы не это, – возразил он себе, – как бы я узнал о множестве книг, написанных от моего имени без ведома моего? И где бы ещё я обрёл столько свободного времени, чтобы оценить пройденный путь?

Так пусть же эта тёмная ночь станет светлым осознанием итогов моей жизни. И эту исповедь я оставлю моему другу,

досточтимому графу Йозефу Карлу фон Вальдштейну, давшему приют моей мятежной душе в безмятежных покоях его замка».

С этими мыслями он сел за письменный стол, достал приготовленную бумагу и стал писать.

«Я, Джованни Джакомо Казанова, в здравом уме и бодром духе заявляю, что не имею отношения к содержанию множества книг, написанных от моего имени. В Японии крестьяне тайком добивали оставшегося на поле боя раненого воина, чтобы потом продать его доспехи. Писатели не щадят моей раненой души ради дохода от приписанных мне откровений.

Мог ли в здравом уме и ясном сознании писать такие доносы на самого себя я, Джакомо Казанова, который перевёл на итальянский язык “Илиаду” Гомера и участвовал в написании либретто к опере “Дон Жуан”?

За всю жизнь я сочинил множество занимательных историй, и среди них нет ни одной, которую я постеснялся бы прочитать не только с плавучей сцены, пришвартованной у Пьяцетты, рядом с Сан-Марко, но и в лучшем театре Сан-Бенедетто, надев шитый золотом кафтан, камзол и кюлоты.

С чего началось моё увлечение женщинами и к чему привело?

В юности я часто смотрелся в зеркало и огорчился, что одна половина моего лица хранит весёлое выражение, а другая – грустное. Оно стало таким после того, как я застал мою первую любовь Бетти в постели с моим другом.

Её измена так потрясла меня, что, не смирившись с ней, я стал искать образ Бетти в других женщинах и сам не заметил, как проникся неистощимой любовью к женской красоте, нектар которой, как пчела, стал собирать с лучших соцветий женской природы. И все мои счастливые встречи и печальные расставания происходили, возможно, из-за того, что у жизни одна половина лица весёлая, а другая грустная.

Возможно, я отличаюсь от многих тем, что понимаю: когда мужчина не раскрывает себя, женщина любит в нём свои лучшие ожидания. Есть только один способ помочь женщине в любви к тебе – не мешать ей любить твою тайну. При всём многообразии душевных проявлений мужчины только его ничем не ограниченная тайна достойна безграничной женской любви к нему.

Какие это чудные создания – женщины, причины дуэлей и войн! Главное, что не может представить себе общественная мораль, – то, что, познав несколько женщин, можно каждую из них безгранично любить, не смешивая в душе одну с другою. Это ей, женщине, я посвятил эту оду:

Услышь и отзовись,
Теплом наполни взор
И в жизнь мою явись
Судьбе наперекор.

Когда сбор протрубят,
На бой пойдут за вас

Все, кто с колен поднят
Любовью ваших глаз.

О, ласки не тая,
Со мною будь нежна:
В любви звезда твоя
На небе зажжена.

О, сбыться дай мечтам,
Прогнав былую спесь!
Мы ждать не будем там
Нас не любивших здесь.

Но в этом воззвании к женской любви участвовала лишь половина моей души, другая видела всё в ином свете.

“Женская красота коварна, – утверждала она, – красавица лишает мужчину покоя, чтобы не беспокоиться о нём, и он становится жертвой своих чувств. И это не бескровная жертва, ибо попранное чувство и есть кровь души, пролитая в дни страданий.

Чтобы понравиться женщинам всерьёз, – продолжала она говорить моему сознанию, – надо иметь достаточное количество недостатков. Красавицы не признают достоинств мужчины, дающих им право не платить за любовь. Поэтому, если недостатков в мужчине не замечают, их с беспокойством начинают искать.

Редкий мужчина способен понять, что женщина его меч-

ты вовсе не жаждет увидеть в нём совершенство. Идея понравиться красавице – полный бред. Ей не надо, чтобы мужчина ей нравился, ей надо, чтобы он щедро откупался от необходимости нравиться ей. Ведь столь желанное женское «да» – это согласие принимать подарки. Чтобы курочка не отвергла петушка, он предлагает ей не себя, а зёрнышко. Стоит ли сомневаться в благотворности *приношения* даров, если связи между людьми называются *отношениями*?”

Помню, маленьким мальчиком я пришёл в дом моего друга. Его мать в саду носила яблоки от яблони в беседку и складывала в две чаши. “Возьми яблоко”, – предложила она, увидев мой завистливый взгляд. Я подошёл и выбрал самое красивое из них. “Нет-нет, – смущённо улыбнулась она, – возьми из другой чаши, а в этой – для продажи...” И с тех пор я вижу, **что** в женщине есть для тебя и **что** – для того, кто представляет для неё бóльшую ценность.

У многих замужних женщин одна половина души – материальное благополучие, другая – душевная утрата. Для них замужество – это обеспеченное сожаление о том, чего они лишились. Их жизнь разделяется на обустроенный быт и разорённое чувство. И приводит их к этому порочное устроение общества, в котором только объединяясь в семьи люди могут выживать в условиях непомерных поборов, где налог – это сбор для содержания наложниц.

Да, я встречался со многими женщинами... И все годы молю Бога о каждой из них, прося встречу со мною не вме-

нять им во грех, но в самопожертвование ради моего будущего душевного просветления. И прошу даровать им здоровье, благополучие и долгие годы жизни в окружении любимых и любящих людей.

* * *

Мои доброжелатели ждут от меня секрет успеха в любви, не ведая, что эта задача решается отдельно для каждого мужчины. Что касается моего скромного опыта в любовных делах, привожу их вниманию мои разрозненные выводы, которые я сделал лично для себя и потому не знаю, смогут ли они им пригодиться.

Женское сердце покорит не тот, кто его успокоит, а тот, кто сумеет взволновать.

Многие мужчины сторонятся воплощений женской красоты, боясь оценить себя глазами совершенства. Поэтому завоевать сердце красавицы всегда считалось не меньшей доблестью, чем отличиться в бою.

Женщины так милы, что невозможно о них не думать. Многие из них – настоящие произведения искусства, покоряющие нас настолько, что мы перестаём принадлежать себе.

В отличие от слов, манеры принимаются ими за чистую монету. В их понимании серьёзное лицо мужчины заслуживает справедливости, а весёлое – любви.

Чтобы расположить к себе женщину, её достаточно один

раз выслушать, один раз вытерпеть и один раз рассмешить.

Женщина далека от восхищения добротой мужчины, в её понимании добрый человек – это назидательно, но не эротично.

Естественная красота женщины вызывает неестественное поведение мужчины.

Красавица в любви ищет сладкой неволи, а находит горькое поклонение ей.

Стоит ли при знакомстве с женщиной стараться блеснуть умом, если в общении ценится не ум, а любезность?

Покорных мужчин женщины уважают, а с непокорными живут.

Для многих обладание красавицей – райское наслаждение перед адской мукой неразделённой любви.

При всём этом женщины не просто смешны, они трогательны: им нравится, когда их соблазняют, и не нравится, когда соблазнят.

Может быть, корень супружеской неверности в том, что некоторых женщин природа одарила большей привлекательностью, чем это требуется для семейного союза?

Знайте: Джакомо Казанова – имя мужчины, стремившегося найти женщину не для выживания среди бедствий и тягот, а для жизни в полное дыхание любви к высочайшему произведению женской природы!

Твой лик – Божественного знак,
И я гляжу, лишаясь речи,
Как обнимает полумрак
Твои божественные плечи.

О женская краса! Молит
Тебя не прекращаться вечность.
Всю страсть к тебе не утолит
Всея нашей жизни быстротечность!

Ты – миг чудесный торжества
Природы женской, что готова
Достичь во славу Божества
Его подобия земного!

Руками рук твоих коснусь,
Вгляжусь в волнующие очи
И в них бесследно растворюсь
Под тёплым покрывалом ночи.

Наше мужское сознание будоражит сводящая с ума женская красота, и нет силы, способной удержать её порыв к свободе. Женщина выбирает лучшего из мужчин, чтобы доказать, что он – худший. Скучная рассудительность – вот что более всего они ненавидят в нас, усматривая в ней разлагающую слабость духа. Жертвенная и безрассудная мужская доблесть – вот чего в душе ждут они от мужчин!

Прежде чем оставить очарованного поклонника, его из-

бранница склоняет его забыть друзей. Так мужская дружба становится заложницей ревнивой женской любви. У меня было много друзей, и я огорчился расставанием с ними, убеждая себя, что всё имеет начало и конец; это касается и самой искренней дружбы.

Дружба рождается, созреет,
В срок отдалится от дел.
Всё в этой жизни имеет
Свой отведённый предел.

Днища судёнышек стонут
И отдаются волнам.
Дружбы стареют и тонут
Прежде, чем хочется нам.

Вряд ли о дружбе горюет
Кто не знал её дней.
Дружбе бессмертье дарует
Добрая память о ней.

Если мы чувства планиду
Всю исчерпали до дна,
Друг мой, не прячься в обиду,
Знать, неизбежна она.

Дружба – почётная служба.
Время ушло – не зови.

В жизни кончается дружба,
Нас уступая любви.

Дружба тропинку проложит
К сердцу, спасая от зла.
Только воскреснуть не может,
Если своё отжила.

Время уйдёт с временами.
Кончится жизни рассказ.
Дружбы, забытые нами,
В вечности вспомнят о нас.

* * *

Что такое хорошая жизнь? Удовлетворение всех желаний, не оставляющее следа? Но ведь это только приблизит день, когда желанными станут сами желания. И тогда поймёшь, что здоровье желаний сохраняется, только когда они не исчерпаны удовлетворением.

Но вернёмся к женской красоте. С одной стороны, она явлена как образец совершенства, с другой – для того, чтобы сокрушить уверенность мужчины в том, что он хозяин своей судьбы. Ему мало получить от жизни щедрые дары – ему надо всех убедить в том, что он не оставил ей шанса поступить иначе.

Верно ли считать блудом неудачи в поиске спутницы жизни, если против счастливого союза восстают все силы тьмы? Если бы в отношениях мужчин и женщин всё складывалось безупречно, это бы означало, что мы живём в Раю.

“Красота не так безобидна, как это кажется на первый взгляд, – шептала грустная половина моего лица, – она пленит душу мужчины, и привязанность к ней обретает неодолимую силу”.

Я потратил жизнь на поиск идеальной любви и открыл, что *совершенной* женщину делает наше отношение к ней. Жаль, я слишком долго не понимал, что несбывшиеся мечты служат тому, чтобы люди объединялись в семьи. Мечтами не живут, их переживают. Семья нужна не для блаженства плоти, а для утоления мечтательного голода души простой пищей супружеского чувства.

Человеческая красота – божественно чистое пространство, такое, как ясное небо над головой. Его нельзя присвоить, сделать своим, потому что оно безмерно. И если исчезнут родники красоты, реку жизни затянут пески рутины.

Я, Джакомо Казанова, отличаюсь от других мужчин только тем, что собрал немного денег и откупился от обыденных трудов, дабы посвятить некоторое время изучению явления женской красоты. Большинству людей жизнь навязывает чрезмерный труд, чтобы они этого не делали.

Но можно ли изучить женскую красоту на расстоянии без прямого общения с её воплощением? И можно ли постичь

её, ограничившись общением с одной женщиной?

Ответьте себе на этот вопрос – и вам будет сложнее думать обо мне дурно».

* * *

Аккуратно положив перо на стол, Джакомо встал, чтобы привести в движение затёкшие ноги. За окном рассеивались сумерки, и он почувствовал просветление в душе. Походив по комнате, остановился у зеркала. «Когда мы следим за своим лицом, оно испуганно замирает, – подумал он, – но, спохватившись, спешит представить себя в лучшем свете, оправдывая затраты на содержание». Отойдя от зеркала, он резко повернулся к нему. Лицо обрело парадный вид, но сделало это с некоторым опозданием. «Я же говорил, – подумал он. – Всё как прежде».

Казанова снова сел за стол и продолжил начатое.

«Я всю жизнь боялся наводнения в Венеции, – написал он, – но, спасаясь от него, утонул в бурных водах впечатлений от бесконечных путешествий. И сейчас опасаясь иного потопа – потока времени, который унесёт мою жизнь в океан небытия, не оставив памяти обо мне.

Всмотревшись в прошлое с высоты воспоминаний, вижу, что свою жизнь я прожил не снимая карнавальной маски, скрывающей две половины моего лица: одну – с выражением радости, другую – печали. О, как непросто сейчас решиться

снять её, эту посредницу между реальностью и моими представлениями о ней!

В молодости я намеревался стать священником, и, видно, испугавшись этого, незримые силы отбросили моё намерение слишком далеко в противоположную сторону. Я полагал, что плотские удовольствия способны остановить время. Мне казалось, что сама жизнь может стать произведением искусства. И мне хотелось стать её “талантливым писателем”, а не “бездарным писакой”.

Хронос – мудрый советчик, дающий хронически запоздалый совет. Сейчас понимаю, что жил так, будто во второй раз бежал от инквизиции и для меня праздником был каждый день, проведённый на свободе. Я был неудержимо весел и сторонился серьёзных разговоров с людьми, считая, что жизнь подобна женщине, которая принимает нас всерьёз, когда мы начинаем относиться к ней несерьёзно.

Об этом говорила мне весёлая половина моего лица, пока не настала очередь говорить грустной.

“В любовных увлечениях мужчины окончательно теряют прежних себя, стремясь соответствовать предпочтениям каждой из женщин”, – осторожно заметила она в ответ на слова весёлой половины.

Но как мне было не любить свободолюбивых женщин, если такова и сама Венеция?! Она потеряла целомудрие, став вожаком для гостей из разных стран, перед которыми и ныне танцует до шести месяцев в году, не снимая карнаваль-

ной маски. И это означало, что и у моей Венеции два лица, “две чаши ябллок”: одно – для своих и другое – для продажи. И теперь заканчивается моя карнавальная жизнь. Только наступающая старость возвращает нас к настоящей, безмасочной жизни.

Ничто не бывает случайным. Надев красочные маски, мы скрываем за ними социальное неравенство, которое не может не отражаться в выражении лиц. Но есть у карнавальных масок и другое назначение. В блюде многие не снимают их, уповая на то, что так Бог их не узнает. Лишь чашка кофе в кофейне “Флориан” или “Квадри” могла заставить карнавального весельчака снять *завесу* и обнажить то, что написано на его лице.

Я всегда отличался непокорным нравом. Вот и сейчас восстаю против общественной морали с её утверждением, что телесное соитие со сменой женщин – явление здоровое, даже духовное, предписанное богом Купидоном, и что оно необходимо и телесному, и душевному здоровью. Боюсь, что уподобление жителям библейских Содома и Гоморры может привести республику к завоеванию жестоким врагом.

* * *

Прихожу к выводу, что наслаждение взаимностью в любви не безгранично. Каждый получит столько радости, сколько позволят ему Небеса. Всё, что сверх того, отнимается из-

меной, плохим самочувствием или нелепой ссорой.

Я не имел намерения погрузиться в блуд, а жаждал обрести взаимность в любви, исключаящую необходимость блуда. Иногда мне кажется: если бы провидение не возжелало моих любовных приключений, оно сделало бы счастливой мою первую любовь. Жизнь осуждает грешника, прежде лишив того, что позволило бы ему не грешить. Мир похитил у меня мою любимую Бетти, и ему пришлось возместить урон лучшим из того, что у него имелось.

И только с большим опозданием я смог осознать, что сильные чувства – величина непостоянная. Сильные чувства помогают *стать* человеком, но мешают *оставаться* им. Семья нужна не для того, чтобы ты был счастлив, а чтобы в несчастье не был одинок. Она – святое место, где воплощённую душу принимают в земную жизнь и провожают в жизнь вечную.

Лишь с годами становится ясно, что в блуде многие люди стремятся воплотить неосознанную мечту о райском блаженстве вопреки воле Божества.

Все осуждающие меня правы. Но они забывают, что совершенными все люди могут быть только в совершенном обществе, где нет тёмных сил, способных извратить в человеке его лучшие побуждения. И только христианин помолится о спасении моей души, полагая, что дух милости сильнее буквы закона. Осознав, что в истории человечества кто-то должен был пройти и этот путь ради предостережения многих,

ибо воспитание есть восполнение недостающего испытания.

Не знаю, кто более грешен: я или тот, кто меня обличает. Меня будут осуждать, умирая от ненависти, за то, что жил в поисках любви. Но сама жизнь противится тем, кто, впадая в другую крайность, хочет видеть её унылой. Это говорю вам я – заблудший грешник и весёлый жизнелюбец Джакомо Казанова, и если я перестану быть собой, мир сойдёт с ума от собственного совершенства!

Так считала моя весёлая половина лица, его грустная половина осознавала, что светлые силы наказывают нас за тёмные дела, тёмные – за дела светлые. Но мне казалось, что жизнь не сводится к чёрно-белой палитре, и что в картине её настроений должны присутствовать и другие цвета.

Если многие радости греховны, не грех ли безрадостная жизнь в мире, где злая воля препятствует счастливой любви и потворствует кровопролитным войнам?

Не претендую на дар писателя. Всё, что могу предоставить читателю моих строк, – это два лица моего отношения к жизни: веселящее кровь и щемящее сердце.

Понимаю и прощаю мою первую возлюбленную Бетти, которую посетил в её болезни много лет спустя, и она умерла у меня на руках.

Знайте: Джакомо Казанова – имя мужчины, открывшего для себя, что кроме *любви для создания семьи* бывает *любовь по вдохновению*. Но если она вне брака, то должна быть духовной, а не плотской. Вот то, о чём я хотел сказать на закате

лет, когда уже невозможно что-то исправить. Жаль, понять, что идёшь не туда, можно, только достаточно прошагав не в ту сторону...

Только в преклонные годы мне открылось, для чего была попущена мне измена моей любимой. В её лице мне был дан несовершенный мир, чтобы я преобразил его совершенным к нему отношением. Я вписал в жизнь несовершенные дела, подписываясь под ними, а надо было сотворить совершенное, не поставив под ним подписи своей. Ибо жизнь – не банальная правда, а изысканная, та, что добывается душевным трудом.

Иное чувство питаю теперь ко всем писавшим от моего имени. Я благодарен им за то, что дышали со мной воздухом одного времени и стали свидетелями того, что я жил. А ещё – за то, что побудили к ответному слову, в котором мною переосмыслен пройденный путь».

...Закончив писать, он встал у окна, за которым уже светало.

«Жаль, я слишком поздно понял, что блуд моей плоти стал следствием блуда моего сознания в поисках истинного понимания жизни. Я жил как философ и умру как христианин», – произнесла грустная половина его лица.

И Джакомо привычно прислушался, что скажет его весёлая половина. Но она молчала...

Она была мертва.

Таинственная карета (рассказ)

1

Шутливо поприветствовав макет экзотической птицы на вывеске перед входом в ресторан «Попугай», Алексей вошёл из мира летнего солнечного тепла в осеннюю прохладу полупустого зала. Оглядевшись, выбрал столик напротив ниши с бутафорской птичьей клеткой в человеческий рост. В ней стоял раскрашенный макет – фигура мужчины в чёрной полумаске и с сидящим на плече оранжево-зелёным попугаем.

Заказав пиццу и чай, Алексей устало вытянул ноги под столом и удобно расположился в мягком кресле. Мужчина в клетке был прямо перед ним. Он был похож на Алексея – высокий стройный брюнет с красивыми волосами. Глаза в прорезях маски смотрели на него многозначительно, будто пытаясь о чём-то сказать. Не выдержав взгляда, Алексей устало закрыл глаза...

Перелистывая эпизоды прошедшего рабочего дня на заводе, он не заметил, как задремал и очутился в птичьей клетке, сидя за тем же столом, в том же кресле. Подбежавший толстый повар в белом фартуке и колпаке, с несоразмерно

большой кукольной головой и круглыми глазами, стоял перед ним с пищей на круглом подносе, не зная, как преодолеть витую преграду. Алексей взялся за прутья, но раздвинуть их ему не удалось. Собравшийся персонал дружно пытался поднять клетку, но она будто приросла к полу.

– Ваша пицца, – разбудил его учтивый голос официанта, и Алексей пришёл в себя.

Выйдя из прохладного ресторана, он сел за руль заскучавшего автомобиля. Пропустив несколько машин перед выездом на главную дорогу, он обомлел: «Этого просто не может быть!» По асфальту в его сторону цокала копытами пара породистых белых коней, впряжённых в изящную открытую карету. На облучке он увидел мужчину с длинным хлыстом, а за ним – молодую красавицу. Они были одеты в чёрные жокейские камзолы и белые лосины. На головах красовались чёрные шляпы со строгими полями. Алексея поразило благородство лиц, задумчивая сосредоточенность на чём-то известном только им двоим.

Они разительно отличались от прохожих и были настолько притягательны, что невозможно было отвести взгляд. И их карета не шла ни в какое сравнение с теми бутафорскими повозками, которые он видел на праздничных гуляньях. «Это настоящая королевская Англия, её колорит!» – восторженно отметил Алексей, испытывая непривычные чувства.

Он выехал на проезжую часть и, поравнявшись с экипажем, смотрел не отрываясь на леди и джентльмена, который

явно не был профессиональным возницей и только по случаю исполнял его роль. Но леди, леди!.. Тонкие черты её лица будто специально были созданы для того, чтобы очаровать его сердце. Алексей ощутил прилив нежности и неодолимое желание оберегать её от всякой опасности, даже если бы ему пришлось ради этого пожертвовать собой.

Алексею было неудобно долго смотреть на них, и всё, что он смог себе позволить, – это, чуть обогнав карету, послышать и с выражением искренней симпатии помахать им рукой. Но в ответ ничего не произошло. Покорившая его незнакомка не удостоила даже взглядом, и ручеёк его жизни не влился в русло её реки. Но главное – она не просто не обратила на Алексея внимания, она не обернулась к нему намеренно: так, будто знала о нём всё, и это не вызвало в ней ни малейшего интереса.

С огорчённым лицом и занывшим сердцем Алексей поехал прочь от своей волшебной сказки.

«Как мне всё это надоело! – сокрушался он. – Всё лучшее в жизни – мимо меня: красивые женщины, крупные выигрыши в лотерею, поездки за границу... Жизнь моя! – воскликнул он про себя. – Ты балуешь в мелочах, а в главном не идёшь навстречу. Всё, хватит с меня, ешь сама свою дешёвую похлёбку!»

Весь вечер он не мог успокоиться. Его неудержимо влекло в общество этих милых господ, и терзало желание преодолеть это досадное несоответствие, когда представление о

прекрасном – одно, а реальная жизнь – другое.

Ночью ему снился сон: он ехал с ними в одной карете навстречу утреннему солнцу. «Маргарет, – назвала дама себя, – а это мой брат Гарольд». Да-да, к счастью, он оказался её братом!

«Как я вас люблю!» – признался Алексей. А она в ответ медленно и грациозно, как и подобает леди, протянула ему руку для поцелуя и, улыбнувшись, произнесла: «Будь нашим другом!»

Услышав это, он почувствовал себя так, как, наверное, чувствуют лауреаты Нобелевской премии на церемонии вручения наград. Ему стало так хорошо, как не было уже лет десять из его полных тридцати.

Это новое состояние не оставляло Алексея и после пробуждения. Он многое бы отдал за счастье приобщиться к миру ощущений этой прекрасной леди. «Боже мой! – думал он. – Можно написать целую книгу о поклонении женской красоте и служении её идеалу».

На следующий день, вернувшись домой с работы, Алексей быстро поужинал, вышел на улицу и сел в машину. Его не оставляла надежда, что он снова увидит эту сказочную карету. Но все его ожидания были напрасны. И всё, что ему оставалось, – это приехать в тот же день и час туда, где их встретил.

...В намеченное время Алексей припарковал автомобиль сбоку по ходу движения и включил «аварийку». «Если бы

они снова появились здесь, – подумал он, – я бы не поверил». И в этот момент услышал знакомый стук копыт. Это были... они!

Он выскочил из машины и встал с поднятой рукой на пути кареты. Когда она остановилась, Алексей бросился к очаровательной незнакомке и воскликнул: «Умоляю! Выручайте. Сломалась машина, разрядился телефон. Мне надо срочно позвонить и проехать с вами одну остановку...»

Леди медленно повернулась в его сторону, и он растворился во взгляде её карих глаз. «Боже, как она хороша!» – восхитился он, замирая от осознания причастности к её волшебному миру.

Медленным жестом дама пригласила его сесть рядом, и карета тронулась. Так же неторопливо она протянула ему руку, и Алексей, спохватившись, не по этикету быстро поцеловал её и назвал своё имя. Но тут же сконфузился: в её ладони был телефон. Взяв его, он поспешно набрал собственный номер. Затем, сунув руку в карман куртки, быстро отключил вызов: теперь он знал, как ей позвонить! После этого, имитируя разговор с собеседником, извинился за то, что опаздывает на назначенную встречу.

Возвращая телефон, он увидел в её руке открытый блокнот, в котором красавица что-то писала. Через мгновение она дала ему это прочитать.

На листке было написано её имя: «Елизавета»...

– Вы русская? – чужим от волнения голосом спросил он.

«Я родилась в Шотландии, – снова написала она, – но моя *grandmother...*» – и, остановившись, вопросительно посмотрела на него.

– Бабушка, – подсказал Алексей, радуясь, что в своё время получил квалификацию учителя истории и английского языка.

И дама, одарив его благодарным взглядом, дописала: «... из России».

– А как зовут вашего супруга? – с робкой надеждой спросил он.

В ответ она молча написала в блокноте: «Это есть мой друг Джеймс».

– Джеймс? – с почтением переспросил Алексей, подняв взгляд на возницу.

Услышав своё имя, джентльмен остановил лошадей, обернувшись, снял шляпу и слегка поклонился. Алексей неловко кивнул в ответ и смущённо взглянул на леди. И она улыбнулась ему так, будто давно его знала.

«Она немая», – подумал Алексей и обрадовался, что это прибавит ему шансов познакомиться с ней поближе. Ведь в этом случае у него будет немного конкурентов.

– У вас проблемы с речью? – деликатно уточнил он.

«Нет», – прочитал он из-под её пера.

– Тогда почему вы молчите?..

«Как это по-русски? – написала она. – *Th at's a subject of a diff erent discussion*».

– Предмет отдельного разговора, – подсказал Алексей, и лицо собеседницы осветила благодарная улыбка.

«У неё лёгкий девичий румянец и вкусные губы, – заметил он, – они живут своей отдельной жизнью, видно, полагая, что женская красота свидетельствует о себе мимикой вкусовых ощущений».

– И всё же?

– *This is a special practice for health promotion.*

– Специальная практика укрепления здоровья? О, мне это безумно интересно! – воскликнул Алексей. – Могу я надеяться на встречу с вами?.. – Он затаил дыхание в полуобморочной надежде.

Вместо ответа леди с вежливым любопытством взгляделась в его глаза, пытаясь прочесть в них то, что могло бы сделать встречу возможной для неё. Он настроил себя на чисто дружеское чувство.

«Вам это действительно интересно?» – загадочно улыбнувшись, написала она, чтобы выиграть время для ответа.

– Мне всё интересно о вас, – выдохнул Алексей, изо всех сил стараясь держаться с ней на равных. Она подумала несколько долгих секунд и написала номер телефона.

Они замолчали. Его душе захотелось воплотиться в неё и стать её частью. «У меня мало шансов добиться её любви, – сокрушался Алексей, – из всех мужских качеств женщина выбирает способность заставить её страдать. Но для этого мне не хватит моих достоинств».

Он бы всё отдал, лишь бы никуда не уходить из её кареты. Но, пересилив себя, заявил, что ему пора. На прощание взял её руку и теперь уже медленно поднёс к лицу, чуть коснулся губами и так же не торопясь опустил её, возвращаясь в свою теперь уже далеко не будничную жизнь.

...Она согласилась встретиться с ним на нейтральной территории – в старом городском парке.

Алексей не знал, как надо вести себя, когда исполняется мечта, и сожалел, что этому нигде не учат. Когда подъехало её такси, скрывая волнение, с достоинством открыл дверь и подал руку. Приняв букет роз, она улыбнулась так, будто перед ней был изысканный джентльмен и они были давно знакомы.

Одежда её была безукоризненна, под стать манерам. Лёгкий плащ был сшит так, что под ним лишь угадывались волнующие формы.

«Спасибо! – оценив букет, написала дама в блокноте. – А знаете ли вы, что роза – национальный символ Англии? В пятнадцатом веке была война Алой и Белой розы – королевских домов Ланкастера и Йорка».

– Вы изучали историю? – с любопытством взглянул он на неё.

«Да, – написала она, – в Кембридже, на историческом факультете».

– Так мы коллеги! – обрадовался он так, будто они учились в одном институте. Но она, задумавшись о чём-то сво-

ёй, не оценила его бурных эмоций.

Они шли по аллее тенистого парка, и Алексей, забыв, о чём собирался её расспросить, всё говорил и говорил ей: о себе, о том, что его волновало прежде и что волнует сейчас. Он не мог сделать ни малейшей паузы, боясь, что, когда закончатся слова, она увидит все недостатки, которые он находит в себе. И когда он в изнеможении умолк, она написала в блокноте, почему не говорит вслух: она намеренно обходится без слов, используя древний способ накопления жизненных сил молчанием. «Это пробуждает необычайные возможности. Например, можно соединиться с сознанием другого человека и многое узнать о нём».

– Ну а что вы можете сказать обо мне? – осторожно поинтересовался он.

Она отошла от него на несколько шагов и сосредоточилась – ушла в себя. Через несколько минут она вернулась и открыла блокнот: «Вы стараетесь быть лучше, чем есть... Но неестественное достоинство не может быть прекрасным». Читая написанное, он больше не исправлял ошибок в русских словах, не употребляемых ею в той, английской жизни.

– Всеми можно научиться, – мягко возразил он.

«Главные достоинства, – написала леди, – передаются по наследству».

– Но даже раб мечтает о прекрасной женщине...

«Но прекрасная женщина нуждается не в рабе, а в господине», – взглянув на него с сочувствием, написала дама.

– Но разве возможно не покориться той, в кого безумно влюблён?!

«Что мужчине невозможно обрести, не поступаясь достоинством, то ему заведомо не дано обрести».

– Значит, надо смириться?

«Недостижимое в жизни ценно тем, что оно существует».

– Но я у вас не просил ничего, кроме дружбы, – боясь потерять и это, произнёс Алексей.

«Вот и хорошо, – холодно лишила красавица его последнего шанса, – не забывайте об этом».

Он был не просто смущён, он был подавлен. «Она больше не придёт», – сокрушался Алексей, сумев заснуть только на рассвете.

Через два дня они встретились снова. Это был тёплый июньский вечер. Деревья в парке замерли, вникая в каждое из их ощущений. И от этого создавалось впечатление необычайной важности происходящего, так, будто это касалось не только их двоих. Алексей не показывал вида, что расстроен, а Елизавета писала ему о необычайных возможностях молчания.

«А как же общаться с любимым человеком?» – теперь уже и он писал ей в своём блокноте, решив в молчании набраться душевных сил.

«Важно не как сговоришься с ним, а как смолчишься», – в ответ написала она.

«А с другими людьми?»

«Никто не внимает нашим словам, все вслушиваются в наше молчание. В безмолвии все чувства оживают и раскрываются в нас, как лилии на глади воды...»

Алексей шёл рядом с ней и намеренно долго и сосредоточенно молчал. И его мысли становились яснее, а чувства – ярче. Его душевные силы росли. И всё вокруг стало более красочным и чётким, прорисовываясь, словно контуры высотных домов на фоне садящегося за них солнца.

«И много вас... молчащих?» – чтобы не спугнуть чуда происходящего, написал он.

«Не много, но есть».

«Как их узнать?»

Елизавета достала из сумочки значок, на нём была изображена буква S.

– И что означает эта английская буква? – не подумав, спросил он.

«*Silence*, – ответила она, – *молчание* на английском языке».

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

...На этот раз они встретились только через три дня и гуляли в роще на краю города. Сохраняя условия письменной речи, он спрашивал, она отвечала.

«Можно ли в молчании достичь единения душ?» – вывел он вопрос уверенным мужским почерком.

Прочитав, она с улыбкой взгляделась в его глаза, проникая в его душевное состояние. Алексей взял её руку в свою. Она

мягко высвободила её и, отойдя на десяток шагов, встала и настроилась на него.

«Делай так же», – с изумлением услышал он в голове бархатистый голос Елизаветы.

«Так же?» – мысленно переспросил он, неумело повторяя её движения.

«Tune into my wave-length».

«Настройся на мою волну», – перевёл он то, что снова произнёс её голос внутри него.

Алексей сделал это, и... всё получилось! Его охватило неведомое ранее ощущение встречи с женской природой её души. Да-да, оказывается, душа бывает женская и мужская! И их единение вызывает невыразимую любовь, в которую погружаешься весь без остатка. А потом пришла душевная близость. Не как у брата и сестры, а иная, обретённая. Когда она подошла к нему, Алексей сообщил ей об этом.

«Никогда не выговаривай это чувство, – написала она в ответ, – оно будет наполнять тебя, пока не облечётся в слово».

«Хорошо», – ответил он, и ему на самом деле было хорошо оттого, что она рядом с ним, и что в этот момент в мире для него больше ничего не существует.

...Ночью Алексею не спалось. Он больше не хотел расставаться с богатством ощущений, пробуждённых в нём целебным молчанием. Он подумал о Елизавете и Джеймсе, о том обаянии, которое исходило от сдержанного джентльмена и

красивой леди.

«В сравнении с ними мы, русские, – неказистые дома на фоне роскошных дворцов, – мучительно осознавал он. – Мы застряли в душевной неустроенности и не смеем быть красивыми, боясь, что нас уличат в стремлении быть лучше других. Это понимание равенства с точки зрения полкового строя. А изысканные манеры благородных людей призывают нас к равенству не на низшей, а на высшей ступени совершенства.

Нет, чувство прекрасного человеку дано свыше, и оно не угаснет в нём никогда. И как знать, может быть, *Англии джентльменов и леди* Бог потому многое прощает, что ей удалось взрастить в них зримые плоды человеческой красоты – и внутренней, и внешней?»

Алексей уснул, когда за окном уже светало.

2

Оперуполномоченный Иван Салтыков начинал рабочий день в восемь утра, а заканчивал к ночи. Он, навидавшийся всего в сыскной работе, уже давно простился с былым намерением бороться с преступностью чистыми руками. Случалось, и подбрасывал в карман задержанному белый порошок, чтобы надавить на подозреваемого: «Говори всё как на духу, так-перетак! Не то упеку надолго!» И получал ценную информацию в обмен на непривлечение за хранение наркоты.

На службе он был незаменим. И ему сходили с рук и его похмельные больничные листы, и нелицеприятные высказывания об условиях труда. «За копейки работаем, так-перетак! – любил он конфузить начальство. – А сейчас-то ведь ка-пи-та-лизм!»

И однажды Иван придумал, как можно срубить денег в свободное от работы время.

А всё началось с того, что он с друзьями нашёл в лесу необычное место для пикника – на широкой поляне возле векового дуба. Въехать на неё можно было только на его УАЗе: поперёк дороги была вырыта канавка, в которой виднелись следы широких колёс внедорожника.

«Кто-то присмотрел это место для себя, – отметил Иван, – причём совсем недавно». И его осенила неожиданная идея: «Надо установить видеонаблюдение, зафиксировать compro-

мат и продать его участникам».

Следующие десять дней он провёл в командировке. Суточные, как всегда, не покрыли расходов. «Вся надежда – на интересное “кино”», – подумал он. Но, как оказалось, в лесу была запечатлена не просто видеозапись, а настоящий художественный фильм.

Это была летняя ночь, полнолуние. К поляне подъехала красивая чёрная карета. Возница спрыгнул с кóзел и, открыв дверь, помог выйти даме. Вслед за ней из кареты вышел молодой парень. За ними на поляну въехали три чёрных внедорожника и десять всадников в чёрных масках, чёрных камзолах и белых лосинах, заправленных в сапоги.

По периметру поляны они зажгли фонари на высоких стойках. Двое из них взяли под руки парня из кареты и, подведя к большому развесистому дубу в центре обрамлённой деревьями зелёной площадки, посадили, прислонив спиной к нему, на расстеленный плед. Пока он поправлял на себе белую рубашку и чёрную маску, четверо принесли из машины связку железных прутьев. Собрав из них клетку высотой в человеческий рост, они оградили юношу от внешнего мира. К клетке подошла женщина в жокейской одежде. Все присутствующие взяли за руки и церемонно прошествовали вокруг дерева сначала в одну сторону, затем – в другую.

– В лесу родилась ёлочка, так-перетак, – выругался Иван пересохшими от волнения губами.

Похоже, парень в клетке постарался заснуть. Но внезапно

забеспокоился и вскочил на ноги. Он дрожал как от холода, и его трясло всё сильнее. «Сердечный приступ», – подумал Иван. И тут юношу вдруг резко притянуло к дереву: он будто прилип к нему, а затем сполз вниз, так и застыв в неудобном положении.

«Ну всё, так-перетак, мокруха», – похолодел Иван, вглядываясь в силуэт пострадавшего. Но тот пошевелился, и Иван понял, что парень жив.

Прошло немного времени, и, разобрав клетку и прихватив фонари, незнакомцы всё так же неторопливо заняли свои места на лошадях, в машинах и карете, и медленно двинулись прочь.

– На хрена мне такое кино! – в сердцах воскликнул Иван. – Ни одного номера машины, ни одного знакомого лица! – Он уже безо всякого интереса смотрел, как через некоторое время конно-машинная процессия вернулась и, освободив парня, куда-то его увезла.

«На сатанистов непохожи, – подытожил Иван, – а вообще-то кто их разберёт...»

Сергей долго не мог оправиться от ночного истязания. Десять тысяч «зелёных», полученных по письменному договору за участие в ночном ритуале, больше не радовали его. Он заболел эпилепсией, и его обморочные припадки пугающе повторялись. А раньше такого не было.

А всё началось со спора с друзьями-однокурсниками, что

он сядет в таинственную карету, проезжающую в одно и то же время по четвергам мимо открытого кафе, в котором они собирались раз в неделю. Безупречный стиль дорогой одежды мужчины и женщины, благородные черты лиц, полное безразличие к происходящему вокруг – всё это заинтриговало любопытных студентов.

Его последующее знакомство в карете с Елизаветой стало для него роковым. Реальная церемония у векового дуба отличалась от той, которую она обещала. Как оказалось, этот странный ритуал был далеко не безобидным.

Конечно, ему заплатили, но кто мог подумать о последствиях – его «падучей»? Может, это совпадение, а заболевание передалось ему по наследству? Сергей слышал, что кто-то в его роду уже мучился этим недугом. Но если бы не стресс, эта наследственность могла бы в нём никогда и не проявиться... «Что же делать? Заявить в милицию? – напряжённо размышлял он. – Скажут, сам согласился. Или собрать друзей и потребовать с неё дополнительной компенсации? Но среди всадников было одно очень влиятельное лицо, от которого можно ожидать чего угодно».

В один из дней на автозаправке он увидел подъехавший к соседней колонке белый «форд», и в нём рядом с водителем... сидела она, Елизавета. Он дождался, когда высокий темноволосый мужчина в чёрном кожаном плаще открыл дверь в помещение заправки, и быстро вошёл вслед за ним.

– Молодой человек, извините, – обратился к нему Сер-

гей, – можно вас на пару слов?

– Да? – повернулся к нему незнакомец, немного наклонив голову с красивым пробором в хорошо уложенных волосах.

– В вашей машине сидит женщина – скажите, вы познакомились с ней в четверг?

– И что? – с явным неудовольствием произнёс он.

– И она была в карете?

– Да.

– Я просто хочу вас предупредить: вы в опасности!

– Неужели? – с лёгкой иронией уверенного в себе человека произнёс тот.

– Это секта, и они имитируют человеческие жертвоприношения... дереву.

– А почему я должен вам верить? – сделав паузу, спросил тот.

– Я был их жертвой. Запишите номер моего телефона. А даме о нашей встрече лучше не говорить. Да, если согласитесь на их ночное представление, потребуйте письменного договора о возмещении возможного ущерба.

– Хорошо, – помрачнев, согласился незнакомец.

Алексей рассказал Елизавете о разговоре с его доброжелателем. В ответ она изменилась в лице, от неё повеяло холодком отчуждения. Пауза затянулась, ситуация выходила из-под контроля...

«Что бы ты хотел узнать от меня?» – написала она в блокноте.

– Правду, – решительно произнёс он вслух, всё больше волнуясь.

Он увидел, как её глаза наполнились негодованием; чтобы сдержаться, Елизавета положила ручку в блокнот и стала говорить, смешивая русские и английские слова, всё больше волнуясь.

– Да, – кивнула головой она, – мы оставили его на время с деревом, чтобы он научился единению с ним.

– И всё прошло благополучно?

– Вполне! И он забыл сказать, что получил от нас приличную сумму нерусских денег.

– Так почему же тогда он предостерег меня, чтобы я этого не делал?

– Пытался навредить мне.

– Чем же он недоволен?

– Возможно, захотел моей любви.

– А вы?

– *We are different.*

– Вы с ним разные? Так же, как и со мной? – не выдержав, спросил Алексей о том, что его давно мучило.

– Ты согласен принять участие в ритуале единения с природой? – вопросом на вопрос ответила она, уже не уместя слова в исписанном блокноте.

– Я люблю тебя! – скорее себе, чем Елизавете, озвучил он то, что его мучило.

– Допустим, – ответила она с непроницаемым взглядом, –

но это ничего не меняет.

– Принесёшь меня в жертву дереву? – спросил Алексей, и его душа облилась горячими слезами.

– В бескровную жертву, – уточнила она. – Джеймс принесёт договор об участии в корпоративном представлении.

– Я не студент и не пришёл устраиваться на работу, – возмутился он попыткой поставить его в зависимое положение.

– Разве я говорю не с мужчиной? – взглянув в его глаза, спросила Елизавета, и Алексей почувствовал, что не в силах ей противостоять.

– С мужчиной, но... не с рабом.

– Вы здесь, в этой стране, даже и не рабы, – она взволнованно повысила голос, – вам до наших рабов расти не одно столетие, как и вашим интеллигентам – до наших джентльменов. Ваша материально не обеспеченная влюблённость за своё чувство требует чужую жизнь. Избыток ваших чувств – от недостатка ваших достоинств. Вы влюбляетесь не в ту женщину, которая вам подходит, а в ту, которая вас превосходит. Хотите украсть дорогую вещь, уготованную не вам. Но ведь её кто-то смог поднять до того совершенства, которое не предназначено для скудных условий вашей реальной жизни. Ваша неулыбчивость выдаёт вашу неуспешность.

– А у вас, – унимая дрожь в голосе, парировал Алексей, – джентльмены и леди успешным считают того, кто успевает забрать всё, чтобы другим ничего не осталось. А мы ценим в человеке не только толстый кошелёк, но и чувство прекрас-

ного.

– Чувство прекрасного? – с иронией подхватила она. – Ваше прекрасное вы возводите в идеал, чтобы оставить без него вашу реальность. У вас мужчины не задумываются, отчего на самом деле скандалят их жёны. Они боятся признаться себе, что после брака с ними вас подменили.

– Это бывает, когда мужья заняты неотложными делами...

– Знаешь, в чём ваша проблема? Вы, русские, хотите сначала переделать все ваши дела, а уж потом заняться собой и стать прекрасными. Но так не бывает. Когда настоящее откладывают на будущее, оно становится прошлым.

«Она сильнее меня и образованней, – подумал Алексей, – и от этого становится ещё желанней. Конечно, она не во всём права, но сейчас я не готов привести весомые аргументы».

– Хорошо, будь по-твоему, – сокрушённо произнёс он, – пусть это дерево слопаёт меня, когда захочешь, а сейчас мне пора идти.

...Они встретились ночью на окраине города. Когда экипаж подъехал к Алексею, он вышел из машины и сел рядом с Елизаветой. Джеймс тронул лошадей, и карета с четырьмя угловыми фонарями двинулась в сторону леса.

Алексей посмотрел на леди, надеясь встретить её ободряющий взгляд, но лицо её было холодным, как луна, залившая всё вокруг таинственным светом. Их общее сосредоточенное молчание вливалось в гнетущее безмолвие ночных деревьев.

И только кони, противясь лунной зачарованности, вбивали в земной барабан ритм биения их сердец, возвращаясь в привычную реальность.

Наконец закончилось томительное время пути, и карета въехала на большую поляну, к тому месту, где к усыпанному звёздами небу простёр высокую крону вековой дуб. Навстречу им в полном молчании вышли четверо мужчин в жокейской одежде и чёрных масках на глазах. Один из них осторожно надел маску Алексею, двое других аккуратно взяли его за руки и подвели к дубу.

Двое мужчин постелили большой тёплый плед. Посадив Алексея спиной к дереву, они принесли тяжёлую складную металлическую клетку. Отгородив ею ровный квадрат пространства вокруг Алексея, они изолировали его от внешнего мира. И только после этого на поляне появились три внедорожника с почётными гостями и десять всадников.

Все участники были в одинаковых масках. Взявшись за руки, они образовали круг и медленно обошли узника, двигаясь то в одну, то в другую сторону.

Алексей поймал себя на мысли, что когда-то всё это уже было. «Дежавю», – подумал он – и только сейчас вспомнил ресторан «Попугай», большую клетку у стены и блеск глаз из-под чёрной маски... «Попугай» от слова “пугать”?» – подумал он... и в эту минуту увидел приближающийся силуэт.

– Елизавета! – воскликнул он, но ответом было гнетущее молчание...

Медленно и сосредоточенно она подняла хлыст и стала методично наносить удар за ударом по клетке, ограждающей мир повелительницы от мира раба. «Если хочешь презрения женщины, отдай ей всю свою любовь», – вскипев обидой, вспомнил он слова, которым когда-то не придал значения. И, схватившись за прутья клетки, как в недолгом сне за столом в ресторане, изо всех сил попытался их раздвинуть. Когда удар хлыста порвал кожу на его руке, Алексей... заплакал. Его оскорблённое лицо больше его не слушалось. Сложившись в детскую гримасу, оно волну за волной исторгало слёзы неприятия происходящего, того, с чем теперь придётся жить. Солёные ручьи лились по его лицу, и уже ничто не могло отвлечь его от осознания, насколько нелепым было его решение оказаться здесь.

Отбросив хлыст, Елизавета обняла клетку и со слезами смотрела на Алексея, вчитываясь в его душевное состояние. Похоже, она была потрясена своим поступком.

Его накрыла буря противоречий. *Господин* в нём воззвал к восстанию души, а *раб* возжаждал душевного затишья. Алексей осознал, что удар хлыста удивительным образом очистил его сознание, освободив от оцепенелости, которой была скована вся его жизнь. Будто заново родившись на свет, он увидел мир, обновлённый его пролитыми слезами, и вспомнил слова одного святого о том, что наказание никогда не бывает напрасным. «Всё, чего не хватает каждому из нас, – осознал он, – это хорошей порки. Без неё мысли рассеиваются по пу-

стякам и забывают вернуться обратно».

Алексей ощутил, как, растворяя в себе остатки протеста, росла и крепла в нём любовь к ней, Елизавете, повелительнице его души. «Только сильное чувство к человеку может стать откровением о нём, – понимал и принимал он. – Истина недоступна уму потому, что обращена к чувству».

И *раб* в нём заплакал вновь, но теперь это были слёзы радости исцеления.

Но *господин* в нём не поверил наваждению чувства и начал читать Иисусову молитву, считая, что если во всём этом Божий промысел, то молитва ему не навредит. Алексею стало жарко: он ощущал себя свечой, горящей в ночи.

Елизавета отшатнулась от клетки, вздрогнула и замерла. Её лицо вновь стало отчуждённым. Заметив это, он продолжал повторять про себя заветные слова. Она встала и отрешённо пошла прочь. Он услышал, как зашелестела крона дуба. Ещё мгновение – и дуб затрясся от порыва ветра. И тогда Елизавета внезапно остановилась и повернулась к нему лицом. Воздушный поток сорвал с неё головной убор, и она попыталась поправить растрепавшиеся волосы. И вдруг её тело обмякло и рухнуло на землю... Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем участники ритуала бросились к ней.

«Всё, – пронеслось в его голове, – сейчас меня прикончат...» И в этот момент слух резанула команда, произнесённая в рупор:

– С вами говорит оперуполномоченный, капитан милиции

Салтыков. Вы окружены! Всем стоять на месте, руки за голову!..

3

После перенесённого гипертонического криза Алексей третий день лежал в больничной палате.

«С такой аритмией лучше перележать, чем недолежать», – сказала ему лечащий врач во время очередного обхода.

После тихого часа в его палату пришёл оперуполномоченный Салтыков.

– Будете писать заявление, гражданин Аксёнов? – с ходу спросил он Алексея и, не услышав ответа, посоветовал не предавать случившееся огласке.

– У них хорошие юристы, и, как мне сказал этот... тьфу, так-перетак, забыл его имя...

– Джеймс, – очнувшись от размышлений, подсказал Алексей.

– Да, Джеймс. Так вот, он сказал, что у компании с нашей администрацией совместные планы на открытие каких-то объектов... Так что с заявлением?

– Да не собираюсь я писать никакого заявления, – дошёл наконец до Алексея смысл заданного вопроса.

– Вот протокол с места происшествия. Берите чистый лист и пишите: «Я, такой-то, фамилия, имя, отчество, проживающий там-то, участник проведения выездного корпоратива, претензий к его организаторам не имею. Дата, подпись, расшифровка».

Когда он ушёл, Алексей вздохнул с облегчением.

Пришла медсестра. Поставила капельницу. Растворившись в чистой прохладе белых простыней, он просматривал на экране потолка картины встреч с Елизаветой. Он вспомнил её сравнение английского джентльмена с русским интеллигентом и сдержанное нетерпение на её милом лице, когда он останавливал её, уточняя смысл того или иного английского слова.

– Человек достоин не одного только христианского сострадания, – тогда сказала Елизавета, – но и восхищения его совершенством. Культура джентльменов сделала больше для престижа Англии, чем экспорт шерсти и угля. Во всём мире им стали подражать, и благодаря этому английский язык стал международным.

– Наш интеллигент не уступит вашему джентльмену, – сдержанно возразил Алексей.

– Ваша мужская интеллигентность заканчивается с удовлетворением плотской страсти, – парировала она, – а дальше вы панически боитесь оказывать вашим женщинам знаки внимания, считая, что ваша любовь – нечто само собой разумеющееся. И если во всём мире только *рабы* лишены права давать волю лучшим чувствам своим, то кто *вы* после этого? И как выгледите перед лицом мирового сообщества? А настоящий джентльмен красив всегда, а не только тогда, когда это ему нужно.

– А всё же нас Англия не покорила ни физически, ни куль-

турно, – не уступил ей тогда Алексей, напряжённо перебирая в себе всё, что об этом слышал.

– Тем хуже для вас, – посочувствовала Елизавета, – русским сила нужна, чтобы защищать дурные привычки.

– Но разве сейчас в вашей стране не прошло время расцвета джентльменства?

– Человечество не живёт, а бежит впереди жизни, спеша деградировать из джентльменов и леди в современных людей, чья внешность и манеры в большинстве своём не представляют собой эстетической ценности.

Тогда Алексею нечего было ей возразить, но, видно, «консилиум» его рассудительного ума и патриотического чувства все последующие дни работал над этой проблемой, чтобы сейчас подвести итог.

«Невозможно одной только силой превратить человека в раба, – вспомнив её слова, осознал он. – Колонизаторам было мало подавить сопротивление аборигенов оружием, им надо было покорить их красотой одеяний и изысканностью манер. И культура джентльменства стала непреодолимой стеной, разделившей человечество на касты господ и рабов.

Здесь *господство красоты* подменяется *красотой господства* и возводится в абсолют. Красота как бы отменяет необходимость выбора между добром и злом и объявляется божеством ощущений. И кажется, что все, кто приобщается к ней, становятся «как боги». И тогда раб стремится не к осво-

бождению, а к облачённому в джентльменство господству над другими людьми. Но красоте джентльменства не удалось поменять в нас любовь к человеку на любовь к господству над ним. У нас с джентльменством разные группы душевной крови».

Алексей расставил все точки над «i» в своём посветлевшем сознании. И теперь пришло время задуматься о себе.

«Моя история с этой таинственной каретой, с оболыщением и ритуальным действием, с клеткой и хлыстом, – открывалось ему истинное значение происшедшего, – символический акт покорения джентльменской Англией свободных народов. И теперь таинственная карета перестала быть для меня каретой тайн. Но красота леди не так проста, как это казалось. Она способна превратить свободолюбивого мужчину в добровольного раба. И против этого чарующего вируса порабощения у мужчин нет иммунитета. Да-да! Многие рабы любили господ и не любили мятежников. Вот почему так долго длилась эпоха рабовладения».

Устав от переживаний, Алексей закрыл глаза и растворился в нежной прохладе подушки. И его воспоминания разлились по её белоснежным просторам весенним половодьем реки и вернулись в свои берега, только когда его плечо тронул сосед по палате: «К вам очень красивая женщина. Просила сказать, что пришла Елизавета».

Она ждала его в холле для посетителей. У неё было страдальческое лицо.

– Очень сильно болит голова, – вместо приветствия пожаловалась она и, помолчав, продолжила: – Не хотела тебе говорить, но сейчас скажу: ты копия мужчины – моей первой, неудавшейся любви. И я как могла скрывала это от тебя до последнего момента. – Сказав это, она достала из сумочки конверт, а из него – фотографию.

«Боже, да ведь это же я, – поразился он невероятному сходству, – только вид более ухоженный. Такой, как если бы я жил там, у них... Похоже, это правда, что у каждого человека есть двойник на другом краю планеты...» Но вслух ничего не сказал.

– Скрывала от тебя, – с отрешённым видом продолжала она, – чтобы не пытаться вернуть в твоём лице этого дорогого мне человека. Из последних сил бичевала твою клетку, чтобы ты, не простив, навсегда ушёл из моей жизни.

– У тебя это получилось, и теперь из моей жизни уходи ты, – ответил он и с горечью подумал о том, что мечта сбывается тогда, когда становится неуместной.

– Мне плохо! – побледнев, простонала она. – Позови Джеймса, он в машине.

Алексей осторожно помог ей сесть и выскочил на улицу. Когда они подбежали к ней, она была без сознания. Дежурная медсестра вызвала врача. Елизавету привели в чувство. Она отказалась от госпитализации, и её увёз Джеймс, перед этим спросив Алексея, как с ним связаться. «Она сломала телефон с вашим контактом», – мешая русский с английским,

объяснил он свою просьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.